

ставленной с приложением выписки о ценах вещам, назначенным в пожертвование для войск, объявлено здешнему духовенству к пожертвованию денег на войско. По докладу о сем от консистории мне, тогда же на помянутый предмет мною пожертвовано деньгами собственно от меня, от белгородского архиерейского дома, здешнего кафедрального собора, монастырей – мужского Николаевского и женского Рождество-Богородицкого, градских Белгорода церквей и от священно-церковнослужителей оных 1920 р., которые деньги и отправлены из консистории к белгородскому городничему для препровождения оных куда следует. От прочих же Курской епархии церквей и монастырей мужских и женских собрано поныне на прописанную надобность пожертвования деньгами 1863 р. 90 к., о коих деньгах прилагаю при сем именную ведомость. Долгом поставляю уведомить, что по сообщению вашему от 19 июля ко мне с приложением Высочайшего манифеста, присланного вновь на ополчение против неприятеля, пожертвовано мною и прочими Курской епархии местами и лицами 8085 р., кои сегодня же отосланы к белгородскому городничему. Кроме

того, настоятелям и настоятельницам монастырей, всем духовным правлениям и благочинным предписано из консистории о собрании на вышепомянутое против неприятеля ополчение возможных пожертвований и об отсылке оных в непродолжительном времени в казенную палату».

Из приложенной к письму пресв. Феоктиста ведомости укажем несколько данных. Сам архиепископ пожертвовал 500 руб., архиерейский дом также 500 р., Николаевский монастырь 50 руб., женский монастырь 150 руб., архимандрит Николаевского монастыря Андрей 50 руб., игуменья белгородского монастыря Агафоклия 50 р., кафедральный собор 300 р., кафедральный протоиерей И. Нивинский 25 руб., ректор семинарии прот. И. Савченков 25 р., от белгородских церквей 235 руб., от путивльского Молчанского монастыря 150 р., курского Знаменского – 500 руб. и настоятеля его архимандрита Аполлоса 300 р. и т. д. Нужно заметить, что в то время сборы пожертвований были производимы несколько раз. Сам архиепископ Феоктист пожертвовал во время Отечественной войны несколько тысяч рублей.

Что касается до детей духовенства, то многие из них выразили желание вступить рядовыми в войска действующей армии. Многие чиновники присутственных мест подали заявление о желании вступить в ряды воинов. Некоторые земские и уездные суды Курской губернии, отпуская своих чиновников, жалели о том, что с уходом их «является недостаток в отправлении канцелярского производства». В таком смысле они делали донесения губернатору, объясняя, что тем не менее они (т. е. суды) по настоящей надобности (т. е. в военных людях) не могли и отклонять желающих поступить в ополчение от предпринятого желания, а в обязанность себе поставили поддержать еще их в таком усердии к отечеству». Губернатор также находил правильным последнее мнение присутственных мест: «Пожертвование приказных служителей лично собою приемлю в полной мере любви».

Нечего и говорить, что не одни чиновники

Пешие и конный казаки Рязанского ополчения

стремились стать грудью против врага. Заявлений об этом было много, и многие из них дышат глубоким патриотическим чувством. Вот какое, например, заявление прислал губернатору курский дворянин Тютчев: «Находясь в городе Ромнах Полтавской губернии на ярмарке, читал я манифест 6 июля из-под Полоцка о призывании соотечичей к ополчению против неприятеля. Бывши всегда истинным россиянином, обожая моего государя, любя отечество больше своей жизни, с утешением ее несу ему на жертву. Состояние мое заключается с небольшим в пятистах душах. Я поведу с собой пятьдесят человек лучших моих дворовых людей, кои все охотно готовы купно со мною положить головы за родное отечество свое. Я остаюсь здесь (в Ромнах) только на один день для закупки оружия и нужных потребностей для обмундировки людей. По приезде же в деревню – не далее недели – все люди будут обмундированы и вооружены! И я сам с ними готов выступить по первому предписанию начальства, куда прикажут».

Такое и многие ему подобные заявления красноречиво свидетельствуют о том, какой патриотический энтузиазм возбудило в России нашествие Наполеона I тогда еще, когда неприятельская армия только что вошла в пределы России, ее бодро встретили русские войска, а до серьезной опасности было еще далеко.

«Курские губернские ведомости»
1897 г.

Из книги записной ярмарочной продажи
1812–1813 гг. курского городского головы
купца Василия Андреевича Гладкова, одного из
организаторов сбора средств для армии